

 НФБ: МИРЫ ЕВГЕНИЯ ЩЕПЕТНОВА

Евгений ЩЕПЕТНОВ

БАНДИТ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Щ56

Иллюстрация на переплете
Станислава Дудина

Щепетнов, Евгений Владимирович.

Щ56 Бандит / Евгений Щепетнов. — Москва :
Эксмо, 2023. — 384 с. — (Новый фантастиче-
ский боевик).

ISBN 978-5-04-170944-0

Сорокалетний спецназовец, боец ЧВК в Сирии, попадает в ловушку, устроенную ИГИЛ. Джип, в котором он ехал вместе со своими товарищами, подорван на фугасе, и от смерти Петра Синельникова отделяют только десять магазинов в разгрузке и пять гранат на подвеске. Он знает, что уже мертв, но собирается отдать свою жизнь как можно дороже. Ведь спецназ не сдается! Взрыв уносит души врагов в их рай, а спецназовца — в другой мир, в тело нищего паренька шестнадцати лет от роду, самого что ни на есть убогого и забитого. Ну а дальше... Посмотрим, что будет с героем, который двадцать лет на войне: прошел вторую чеченскую, Сирию, Африку — и который не привык сдаваться никому и ни за что. Магия, кланы, выживание на улицах жестокой столицы империи в мире, находящемся на уровне земного Средневековья, — все впереди. И мало герою не покажется...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-170944-0
© Щепетнов Е.В., текст, 2023
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Белое солнце пустыни... оно и правда — белое. Белое и горячее. Очень горячее. И жестокое. Ему все равно, что происходит под ним. Солнце равнодушно, оно видело многое за свои пять миллиардов лет, и что для него жизнь даже не мотылька, даже не песчинки — маленькой молекулы по имени Петр Синельников, позывной — Синий. Я знаю, что мне пришел конец. Что живу я до тех пор, пока не закончатся патроны в магазинах, заткнутых в гнезда разгрузки. Меня никто не спасет, никто не выручит — это ведь не кино. И убежать я не могу — даже если бы ноги не были перебиты. Куда убежишь в пустыне, где даже пешехода видно до самого горизонта?

Мне осталось только подороже продать свою жизнь. Я хорошо стреляю, уж этому меня научили — и в учебке спецназа научили, и жизнь научила — на второй чеченской, и после, в Сирии. Нет у меня страха, нет отчаяния — только глухая, безнадежная тоска. Почему? За что? Да, грешил! Но ведь не настолько, чтобы вот так, совершенно неожиданно принять смерть в чужом краю, в окружении поганых бородатых морд! После моей

смерти они будут глумиться над моим трупом, я это знаю. Но мне уже будет все равно. Я этого точно не увижу. И они не увидят, как спецназовец сдается, подняв руки. Чтобы потом принять мучительную смерть от этих ублюдков.

Десять магазинов. Из них опустели семь. Я стреляю редко, одиночными, только иногда короткими очередями. Тяну время — сам не знаю почему. А вдруг прилетит «грач» и разгонит этих тварей? Или «вертушка»? И ведь знаю — все бесполезно. Никто не прилетит. Никаких волшебников в голубых вертолетах.

Бах! Бах!

— Алла акбар... — со стоном, значит, попал.

И тут же тупой удар в бедро. Боли не чувствую — у меня, похоже, поврежден позвоночник. Я не жилец, даже если бы сейчас меня погрузили в вертолет и вывезли. Даже если бы я выжил — какая жизнь со сломанным позвоночником? Жить в инвалидной коляске на жалкую пенсию, которой не хватит даже, чтобы платить коммунальные услуги? Ну да, у меня есть кое-какие сбережения, но надолго ли их хватит? И ЧВК выплатило бы мне за ранение, но...

Какого черта я об этом вообще думаю? Перетянуть бедро выше раны! Скорее! Истеку кровью! И так уже голова кружится, и в глазах как туман... Тут и контузия при взрыве машины, и потеря крови. Моим соратникам «повезло» больше — они сейчас горят в джипе, убитые сразу, мгновенно, меня же выбросило на обочину. В канаву. В которой я сейчас и отстреливаюсь от «бесов». Вернее — отстреливался. Похоже, что все.

Выпускаю длинную очередь в сторону перебегающих игиловцев и затихаю, откидываясь на бок и вытягивая руку с «калашом». Изображаю полную отключку. Чека гранаты уже разогнута, большим пальцем руки выдергиваю ее из отверстия. Теперь гранату от срабатывания удерживает только моя ладонь, мои пальцы. Гранаты три, они у меня на груди, на подвеске. Рука удерживает скобу, я грудью прикрываю руку, сквозь прикрытые ресницы наблюдая за тем, как поднимаются враги, горланно переговариваясь и беспрерывно повторяя «Алла акбар!». Что бы они ни делали — постоянно говорят «Алла акбар». Меня уже тошнит от этих слов. Слишком часто я их слышал там, где с этими словами убивают людей.

Идут. Выстрел! Еще! По ногам мне бьет, как палкой! Плевать. Все равно не чувствую. Мне бы пару минут продержаться... Ближе, твари! Еще ближе! Ну?! Давайте! Еще шажок! Еще!

С трудом переворачиваюсь на спину и с облегчением отпускаю пальцы. Я устал. Я очень устал!

Господь, если ты существуешь, прими меня таким, каков я есть! Я прожил сорок бурных лет и не был таким уж плохим человеком! Как хочется жить, как хочется...

Глава 1

Первое, что чувствую — прохладу. Откуда-то тянет сквозняком, а еще — воняет. Сильно воняет! И даже не пойму — чем. Нечистотами, падалью, какой-то затхлостью, и... почему-то йодом. Морем.

Морем?! Что за чушь?! Откуда в пустыне море?! В пустыне... я — в пустыне? Меня что, захватили?! Да нет же, такого быть не может! Три гранаты, рванувшие на груди — да от меня одни ошметки остались!

Но я жив. Я чувствую. Я обоняю. А еще — у меня чешется нога. Так чешется, будто ее кто-то покусал. Комары. Или клопы. И что это значит? Я все-таки в тюрьме? В каком-нибудь зиндане игиловцев?

Сажусь, ощупывая себя руками, и только теперь замечаю, что вокруг темно. Только не так темно, когда ты лежишь с закрытыми глазами или вообще ослеп, а... просто темно. Ночь. И нахожусь я в неизвестном мне месте, скорее всего в каком-то помещении. Из отверстия надо мной просачивается слабый, похоже что лунный свет, и мои глаза, начинающие привыкать к этому свету, стали различать то, что находится вокруг меня. Едва-едва

различать, но все-таки достаточно уверенно, чтобы понять — я в каком-то полуразрушенном здании, перекосившимся, заваленным мусором, состоящим из камней, гнилых досок и костей. Подо мной подстилка из тряпья, от которого несет мочой, потом, и... непонятно чем еще. Чем-то сладковатым, отвратительным, нездоровым. Таким, от чего хочется стошнить и что следует отбросить от себя и больше никогда его не касаться.

Вскакиваю на ноги и с неудовольствием отмечаю, что двигаюсь я неуверенно, так, будто мышцы мои слабы, и вообще — я голодал месяца полтора. И тут же ругаю себя за глупые мысли — как я вообще могу двигаться с перебитыми ногами, со сломанным позвоночником? Как я могу стоять на этих самых ногах?! Но ведь стою же!

Голова совершенно не соображает. А еще эта вонь! Пахнуло падалью, да так, что меня чуть не вывернуло. Нет, надо отсюда выбираться! Осматриваюсь, вижу что-то похожее на дверной проем — перекосившийся, как и все здание, держащееся на честном слове, полузасыпанный щебенкой, но... все-таки выход. Ползу по смеси песка, обломков камней и досок, стараясь на зацепить стену ветхого здания — вдруг ему не хватает только маленького толчка, чтобы завалиться?

Вываливаюсь наружу и на четвереньках сползаю к подножию кучи щебня. Есть! Я на воле! Вдыхаю (запыхался, будто три километра спринтерским бегом пробежал!), сажусь, верчу головой, глядя по сторонам. И тут же сердце мое екает, глаза выпучиваются, и с минуту я не могу дышать, пораженный, потрясенный увиденным.

Море. Внизу, под небольшим склоном, — море. Тихо, с едва слышным шелестом накатывающееся на берег прозрачными волнами. На море — две дорожки от двух лун — одна небольшая, желтая луна, такая же по размеру, как и моя, родная. Вторая — красная, будто раскаленная дверца буржуйки. И крупная — крупнее обычной луны раза в два с половиной. Свет от лун такой, как если бы кто-то включил слабенький фонарь, освещающий окрестности зыбким, но вполне себе достаточным для нормального обозрения светом. Не сказал бы, чтобы можно было различить мелкие подробности предметов вокруг меня, но в общем и целом все мне видно, и о полной ночной тьме разговора идти не может.

Трясу головой, будто пытаюсь отделаться от зрелища перед глазами, и тут же в голове вдруг всплывает: «Желтая луна — Касана, Красная луна — Каисса». Хмыкаю и пытаюсь сообразить — откуда это все всплыло?! Что это все за чушь? Глюки?!

Надо успокоиться и попробовать размышлять логически. Итак, я только что был в бою, в котором выжить не мог. Я покончил с собой, подорвав себя гранатами. Потом вдруг очнулся в некоем мире, где имеются две луны. И скорее всего — это не глюки, потому что я чувствую! Вижу! Обоняю! В конце концов — у меня чешется тело, и...

Я с отвращением чувствую, как по шее у меня кто-то ползет. Хватаюсь пальцами за это место, ловлю какую-то мелкую тварь и, давя ее, содрогаюсь от отвращения! Вши! У меня, похоже, вши! Тьфу... твою же мать! В глюках точно вшей не бы-

вает. В глюках — человек летает или, наоборот, куда-то падает, но никак не ловит вшей!

Подхватываюсь с земли и быстрым шагом схожу, можно сказать сбегая с обрывчика прямо на песчаный пляж. Тут же срываю с себя одежонку, попутно разглядывая, что же на мне надето, а потом бросаюсь в прибрежную воду. Теплую, будто парное молоко. Свет двух лун позволяет разглядеть мои конечности и все, до чего дотягивается мой взгляд. И то, что я вижу, меня совершенно не радует. Всю свою сознательную жизнь я был подтянутым, жилистым, мускулистым, как бодибилдер, готовящийся к соревнованиям, — в юности занимался на турнике, потом в спортзале, хотя сильно не закачивался, так как излишне надутая мускулатура снижает скорость движений, а потом, в армии и в дальнейшем в ЧВК — точно не ожиреешь. Нагрузка — и спортсменам не снилось. Я же разведчик, волк, а волка, как известно, ноги кормят. Потому толстяком никогда не был. Но тут... худые, как после голодовки, ноги, худые руки, впалый живот без грамма жира. И самое главное — это НЕ МОИ ноги, это НЕ МОЙ живот! И все остальное не мое! Белая кожа, даже излишне белая — ни загара, ни смуглости, присущей большинству людей. Ощущение — это кожа какого-то альбиноса, а не обычного человека. А еще — нет следов ранений, которых на мне было как на дворовом котяре, видавшем виды и не ждущем ничего хорошего от жизни. Два пулевых, три осколочных — куда они делись? И шрам на боку от ножа — его тоже нет!

Ладно. Потом разберусь. Пока — надо отмыться, оттираться, черт подери — надо как-то из-

бавиться от вшей! Фу, мерзость какая! По-хорошему, мне бы сейчас побрить голову, сбрить все волосы с тела, а еще — намазать башку и пах керосином. Где бы только его взять, этот самый керосин...

Тру тело песком так, что оно начинает гореть. Споласкиваюсь. Волосы у меня длинные, до плеч — беда, однако! Как из таких волос вычесать насекомых? Не имея ни расчески, ни... в общем — избавляться надо от этих кудрей. Только и это я не могу — ну не драть же их с корнями?!

Сую голову в морскую воду, истово мечтая о том, чтобы проклятые твари утонули в соленой воде. И прекрасно понимаю, что прежде чем насекомые утонут — я десять раз утону в этой самой воде. Потому прекращаю дурацкую затею и стараюсь включить мозг, хотя это и непросто. Такой раздрай и бедлам в голове — ни на одной мысли сосредоточиться не могу! Сижу голый на берегу моря, смотрю на две луны и будто во сне думаю о том, как извести чертовых насекомых! Это ли не сюрреализм?!

Нет, надо взять себя в руки — разведчик я или дерьмо ослиное? Башкой-то надо подумать! Существует проблема — я каким-то образом после смерти оказался в чужом теле (бесспорно), это тело в плохом физическом состоянии, и состояние усугубляется наличием мерзких кровососов, обосновавшихся в моей пышной шевелюре. Хорошо хоть бороды еще нет...

Стоп! Да, бороды нет. А что это значит? Это значит, что я или монголоид, у которого борода не растет по генетическим причинам, либо... либо я подросток. Судя по первичным признакам — под-

росток мужского пола (что уже хорошо, не хватало еще в девку переместиться!), и возраст мой (опять же судя по этим самым признакам) примерно пятнадцать-шестнадцать лет. Это возраст, когда на лице еще ничего нет, а в паху уже все как надо.

Ладно. С этим разобрался. Теперь — что делать с моим зоопарком? Дождаться дневного света и уже тогда найти людей и попробовать что-то сделать с гадкими тварями? Хм... а если эти самые люди окажутся... не теми, кого я хотел бы видеть рядом? Ну тот же ИГИЛ — попробуй попади им в руки! Башку отрежут — и пикнуть не успеешь. Насмотрелся я на этих бесов... И кто сказал, что здешние люди лучше? Пока не знаешь обстановки, пока ничего не знаешь о мире, в который попал (а я попал!), лучше держаться настороже.

И что тогда делать? Ну, во-первых, хватаю одежду и полощу ее в воде. Одежда моя состоит из драных штанов непонятного цвета (при лунном свете точнее не рассмотришь) и такой же драной рубахи. Все из непонятного полотна и, похоже, на завязках, никакого ремня на штанах нет. Кстати — нет и никакого нижнего белья, трусов и майки. Обувь — как ни странно, она есть. Что-то вроде босоножек — толстая кожаная подошва, с петельками, к которым привязаны кожаные же ремешки. Этими ремешками подошва крепится к ступне, не очень эстетично, но зато не поранишь ногу какой-нибудь дрянью, а этой дряни тут, похоже, выше крыши.

Полощу штаны и рубаху в воде, а потом иду по берегу — увидел здоровенный валун, вот об этот валун и колочу свою одежонку со всей яростью

вояки, всеми фибрами своей души ненавидящего «окопных» тварей, бича всех войн и народов. Надеюсь, что хоть одна вша в конце концов подойдет, если не от удара о камень, так от испуга.

Устаю, кладу барахло на камень сушиться и тут обращаю внимание на здоровенную раковину по типу рапаны — только огромная, с человеческую голову величиной. Секунд десять тупо на нее пялюсь, потом хватаю ракушку и с размаху бью о глыбу. Хруст! Разлетающиеся осколки! Готово. Подбираю один из осколков, тот, что похож на лезвие ножа без рукояти, щупаю пальцем край обломка и с удовлетворением киваю — ага! Получилось! Это, конечно, не острота обсидиана, но ракушки даже в створках очень остры, а уж осколок... это просто-таки керамический нож.

Вздыхаю, готовясь к худшему, и аккуратно примерившись, начинаю срезать волосы с головы. Под корень, стараясь действовать как бритвой, ежесекундно рискуя вместе с волосами лишиться и доброго куска кожи.

Процедура заняла не менее получаса, и труднее всего пришлось с волосами над ушными раковинами. Боялся. Не хотелось остаться без ушей или самое меньшее — хорошенько истечь кровью, ведь ранение уха вызывает такое обильное кровотечение, что кажется — сейчас вся кровь вытечет через эту самую рану. Проверено, еще в юности, после одной из уличных драк, в которых я участвовал не раз и не два. Мама была в ужасе, когда я пришел домой весь в крови, с разорванным пополам ухом. Пришлось накладывать швы. Чертов придурок ударил меня кастетом, что было в на-

ших драках строго запрещено неписанным законом. Зато я отмудохал его до полусмерти Квиты.

На удивление — я даже не порезался. И вполне прилично обрил голову, — конечно же, не так, как если бы работал настоящей бритвой или отточенным до бритвенной остроты ножом, но все-таки лучше, чем если бы рассадил кожу до крови. Без этих шевелящихся от насекомых кудрей сразу стало гораздо легче. Я и вообще уже давно привык к тому, что на голове у меня совсем минимум волос — максимум небольшой ежик по типу того, какие носят в американской армии. По-моему, у нас эта прическа когда-то называлась «бокс». Во времена моего детства называлась, и раньше. А может, и позже — я как-то не слежу за названиями причесок. Мне главное — чтобы волосы на голове жить не мешали, чтобы за ними было легче ухаживать. И прическа «бокс», он же «ежик», для этого подходит лучше всего.

Ну что же... снова к воде — и давай тереть голову песком, поливать ее водой. Нет — ну все-таки какая теплая вода! Градусов тридцать, не меньше! А может, и больше! Делаю вывод — я в теплых краях, где-то на юге, где вечное лето. Капитан Очевидность, ага. Но горжусь своей догадливостью. Кстати — воздух еще горячее воды, и это ночью. А что же тогда делается днем?! На солнце?! Ой-ей... даже подумать страшно.

Честно сказать — не люблю я жаркие страны. Хотя пришлось в них немало походить и даже побегать. И в ЦАР был, обучал черных держать «калаш» правильным концом от себя, и в Сирии побегал по барханам и прериям, или как там назы-

вается эта чертова равнина. Степи? Полупустыня? Как ни назови — а это мерзкая сожженная солнцем равнина, плоская, как стол, поросшая редкими колючками. Место моего последнего упокоения...

Нет, никак не могу привыкнуть к тому, что я мертв, но... не мертв. Отгоняю от себя эти мысли, запрещаю думать на тему — иначе хочется завывать и спросить: почему я?! За что меня-то?! Значит — было за что. Значит — так нужно. Что еще тут скажешь...

И лучше не задаваться вопросом — куда подевался старый хозяин этого тела. Куда делся парнишка, чей «механизм» я занял, и чьи кудри так безжалостно искоренил. Кукушонок, да. Влез в гнездо да и выкинул его обитателя. Но я тут не виноват! Так получилось! И да — зря я не верил в переселение душ... как оказалось — не ввали эти... хм... в общем — есть оно, переселение. И я тому живой пример! По крайней мере — пока живой. И собираюсь пожить подольше!

Ну а для того, чтобы пожить, надо решить ряд вопросов. Например — что-то съесть. Живот у меня бурчит, жрать хочется — аж до колик. И насколько я понимаю, у парнишки нет ничего. Со всем ничего. Ни денег, ни имущества — нищий, как есть нищий. И значит, мне придется добывать хлеб насущный с большим, очень большим трудом. И тут есть два пути: первый путь — это попрошайничество. Ходишь и пристаешь к людям (Дай миллиончик!). Тебе или дадут денег, или дадут пендаля.

Второй путь — это путь криминала. Путь гораздо более выгодный, но при этом — гораздо более опасный. Например, в тех же Эмиратах —

за кражу просто отрубают руку. Мне очень не хочется жить одноруким! Можно было бы заняться грабежом, гоп-стопом, например, — но это если бы я был в своем, тренированном, выдавшем виды теле. Когда ты умираешь с голоду, все моральные скрепы спадают с тебя, как листья с деревьев под холодным октябрьским дождем. Люди с голодухи канибализмом занимались, чего уж там морализаторствовать насчет воровства и грабежа. Я не зверь и не собираюсь грабить бедняков, отбирая последнее. Всегда имеется достаточное количество толстых клопов-предпринимателей, таскающих в кармане приличную сумму денег. От них мне, думается, не убудет. Однако... не при моем физическом состоянии, не при моей неловкости заниматься карманными кражами, и уж тем более грабежами. Грабеж предполагает наличие оружия, которым запугиваешь «клиента», а где у меня оружие? Кусок ракушки? Бульжник? Нет, путь разбойника для меня закрыт. По крайней мере — пока. Нищенство — вот мой удел. «Же не манж па сис жур... господа! Я не ел три дня!» — примерно так.

Надеваю влажную одежду, убеждая себя, что большинство тварей, прячущихся в швах скончались от порки о камень и в водных процедурах, и бреду по пляжу туда, где на фоне сереющего неба вижу силуэты зданий. Мне сейчас нужно где-нибудь пересидеть часы до рассвета, чтобы потом отправиться в город и попробовать найти пропитание. А то, что это город, я вижу совершенно очевидно и ясно, как если бы уже вышло солнце. Город находится в чаше вокруг огромной бухты, перекрещенной лунными дорожками. Я вижу дома,

поднимающиеся в гору, вижу дымки из труб — видно, кто-то готовит еду или печет в домашних очагах. Пахнет дымом, навозом, нечистотами и морскими водорослями.

А еще — я вижу корабли, стоящие в бухте на рейде. Кораблей много, они будто с картины Айвазовского — застыли на тихой воде, подсвеченные фонарями, вывешенными на корме и носу. И этих фонариков на воде так много, что кажется — бухта покрыта яркими светлячками. Похоже, что этот город является крупным портом. Не зря же здесь столько кораблей? Вероятно, есть и те корабли, которые стоят у причалов на разгрузке — те же, на рейде, они пока что ждут своей очереди.

Кстати сказать — откуда-то из глубины мозга всплывает подтверждение моим логическим выкладкам. Я ЗНАЮ, что мои мысли верны, я ЗНАЮ, что этот город очень, очень крупный порт. А еще из памяти выскакивает: столица!

М-да... парень, парень... куда ты делся? Притаился в моей памяти? Откликнись! Появись! Давай жить дружно? Ты мне расскажешь об этом мире, а я помогу тебе в нем выживать. Тем, чем умею — помогу. Я ведь на войне уже двадцать лет, я видал столько, пережил такое, что тебе и не снилось! Неужели я не выживу здесь, в этом мире? С моими-то умениями?

Впрочем, а какие у меня умения? Драться умею — с юности в этом ловок, а потом мои умения как следует отшлифовали. Убивать умею — многими, очень многими способами. Большинство из которых, увы, скорее всего, здесь и не пригодятся. Вряд ли тут окажется «калаш» или тя-

желая снайперка. Или хотя бы «стечкин». Но вот ножом я работаю великолепно — могу даже работать инструктором по ножевому бою.

Ну что еще умею? Играю на гитаре, очень хорошо играю — все-таки десять лет в музыкальной школе учился, мама-то преподаватель музыки! Была...

Ладно — будет день и будет дело. Поищу место, где можно отсидеться, и... там уже посмотрим, как мне жить. И я побрел дальше, мечтая о горбушке хлеба и здоровенном шмате докторской колбасы. Докторской я, скорее всего, больше никогда не увижу, а вот горбушку постараюсь сегодня добыть. Если мне повезет, конечно.

И честно скажу — не хочется мне заниматься криминалом. Лучше бы где-то пристроиться на работу — хоть дворником, хоть каким-нибудь подсобным рабочим! Я не боюсь грязного, тяжелого труда. Лишь бы платили достойно и предоставили угол для проживания. А там уже разберусь — куда попал и чем можно заняться. Судя по всему, провалился я в мир без развитых технологий. Мне хватило света, чтобы разглядеть корабли, стоящие на рейде. Все как один они были парусными. А это значит... понятно, что это значит.

Глава 2

Разбудили меня лучи солнца, такого же яркого, как в Сирии. Мне как раз и снилась Сирия — я все еще отстреливался, лоя в прицел фигуры в развевающихся на бегу тряпках. Прицел у меня был хо-

роший, коллиматорный, стреляю я выше среднего уровня, так что почти и не промахивался. Надеюсь, что при взрыве автомат как следует искорежило. Не хочу, чтобы из моего автомата стреляли по нашим же парням.

Проснулся даже с облегчением — одно дело, когда ты уже мертв, хотя вроде пока и жив, а другое — проснуться молодым, относительно здоровым, и на берегу моря. Именно так — на берегу моря, потому что никуда я ночью не дошел, уткнувшись в стену, перегородившую пляж, и потолкавшись возле нее, решил — какого черта я буду бродить, не лучше ли упасть, где стою, и нормально дожждаться рассвета? Тем более что ждать его долго не придется — вон, горизонт уже сереет. Так что пристроился возле стены, свернувшись как мог в клубочек, и постарался успокоиться и заснуть, что далось мне не очень-то и легко: одежда волглая, можно даже сказать мокрая, а в голове мешанина мыслей и впечатлений. Ну никак не мог я поверить, что перенесся в чужое тело, что жизнь моя не закончилась там, в выжженной пустыне забытого богом государства.

Но все-таки уснул. И сейчас, открыв глаза, стал вспоминать подробности своих кошмаров, и невольно передернулся — страшно даже вспоминать. Хотя кое-что из кошмаров меня невольно заинтересовало. Это был даже не кошмар... бывают такие вот переживательные сны — кошмаром назвать нельзя, но и радостным его тоже не назовешь. И этот был таким. Во сне я разговаривал с владельцем моего нынешнего тела. И разговор этот мне очень не понравился. В подробностях не пом-

ню, только отрывочные фразы и ощущения, но главное, что я вынес из этого разговора, — это то, что владелец тела уходит, потому что сдался и не хочет больше в нем жить. Вообще не хочет жить. Что жизнь его настолько бесприсветна, настолько мерзка, что он лучше отправится на перерождение или вообще исчезнет из вселенной, только бы оказаться где-нибудь подальше от такого мерзкого жестокого мира.

Я ругался, я обзывал его последними словами, я зывал к его совести и мужскому достоинству — ну как так мужчина может просто взять и сдать?! Нужно драться до последней капли крови, а потом унести с собой как можно больше врагов! Но этот унылый поц только твердил, что он не такой, как я, что неспособен бороться за жизнь, перегрызая глотки людей, что устал и отдает мне свое тело, свою жизнь — может, я все-таки сделаю из нее что-то приличное, что-то не похожее на жизнь жалкого, гонимого и убогого животного. Каким этот парень и был до сих пор. А еще он оставляет мне все, что у него имелось, — кроме этогодохлого тела, конечно. А именно: память. Я могу распоряжаться ей так, как захочу. А он... он пошел отсюда подальше. Ариведерчи!

Сон, конечно. Ведь что такое сны, я читал: это обрывки мыслей, впечатлений, всего того, что ты видел или что пришло в твою голову во время бодрствования. Мозг все перемывает, собирает рисунок, как калейдоскоп складывает картинку из стеклышек, и получается вполне себе логичный сон. Логичный для сна, конечно же. Я до самой своей смерти иногда летал во сне. Прыгну со ска-

лы в пустоту, и... полетел, понесся, раскинув крылья-руки! А внизу, очень далеко внизу, — зеленая долина и маленькие такие, как игрушечные, домишки. А я рассекаю воздух грудью, проношусь над крышами домов, и люди показывают на меня пальцами. А я хохочу, хохочу — легкий и свободный, как птица!

Говорят, что когда летаешь — растешь. Не знаю... за двадцать лет не вырос ни на сантиметр. Как было в двадцать 180 сантиметров роста, так они и остались. Вес только менялся. То нажру килограммов десять, то их сброшу в рейде по тылам противника, когда высыхаешь как вобла, — все потом из тебя выходит.

Но так-то сон про пацана был совершенно в тему, и стоит над этим задуматься. И проверить — так ли все получилось, как он сказал. Если я смогу понять местный люд, смогу разговаривать на здешнем языке... может, это вовсе был и не сон?

Поднявшись на ноги, потянулся до хруста суставов и проделал несколько разминочных упражнений. Бок болел — под ним на земле оказался небольшой булыжник, и он мне хорошенько оттоптал бочину. И откуда взялся? Я вроде бы ровное место для ночлега выбирал. Будто вырос из земли.

Пошел к морю, умылся, с неудовольствием осмотрел свою одежку. Штаны... господи, да я бы такие штаны решил потрогать только палкой! Настолько мерзко и многообещающе они выглядят. Их полчаса надо кипятить, прежде чем можно было бы до них дотронуться! Рубашка не лучше... дыры, лохмотья, выбеленный от времени холст с остатками былой краски. У нас бомжи одевают-

ся гораздо лучше, чем здешние нищие. Впрочем, видел я картинки из жизни бедняков той же Англии. Эти несчастные одевались ничуть не лучше, а спали так вообще в таких местах, которые принятся только в дурном сне. Такое и придумать невозможно! Представить только комнату, в которой протянуты канаты, а люди спят стоя, повиснув животом или грудью на этих самых канатах. И за это хозяева ночлежки берут деньги. Спать на полу — можно замерзнуть, или крыса укусит, а так будет намного безопаснее. Жуть, однако же!

Кстати, а кто мне сказал, что здесь обязательно Средневековье? Парусные корабли увидел? Так они существовали до самого двадцатого века! Перевозили грузы и даже воевали! Ну и что с того, что на них нет паровых машин? Может, я просто не заметил труб.

Нет, это все-таки было Средневековье. И в этом я убедился уже через час, обогнув стену, перекрывающую доступ в порт. Высокая стена, надо сказать, — в три роста, а наверху — осколки обсидиана, колотые ракушки — и все это острое хозяйство вмонтировано в раствор. Попробуй-ка перелезь такую стену! Так-то можно, если знать как, но нужно ли?

Кстати, так и не понял, зачем нужна эта стена. Вернее, зачем она нужна, в общем-то, понятно, непонятно — зачем перекрывать доступ в порт. Может, предохраняются от ночных грабителей? Вряд ли. Тот, кто захочет, такую стену перелезет на раз, если как следует подготовиться. Но вот потом... награбленное ведь нужно вывезти! Через забор не перебросишь тюки с продуктами или ткани,

нужна подвода, а значит — вывозить через ворота. А в воротах — охрана, которая может срочно вызвать подмогу. Нет, тут все, в общем-то, ясно-понятно, если поразмышлять.

Первые люди, которых я встретил в новом мире, — это был патруль городской стражи, или если назвать их на земной манер — здешние менты. И вот тут мне окончательно все стало ясно. Кольчуги, на которые нашиты блестящие, надранные стальные пластины, у пояса — короткие мечи, кинжалы, на плече — копьё с листовидным наконечником, на головах шлемы, будто сошедшие с картинок о Средневековье — такие я видел у испанских конкистадоров, открытые, со стальным гребнем и полями, как у панамки. Вертится в голове название... о! Морион, вот как назывался такой шлем. Эти похожие точь-в-точь. На голове шлем удерживается ремешком, застегнутым под челюстью.

М-да... тяжело им сейчас, ментам этим... под кольчугой явно стеганый поддоспешник, шлемы сидят по форме, туго застегнуты, штаны с наколенниками тоже толстые, как ватные. Представляю, как стражникам сейчас жарко!

Стоп! Откуда я знаю, что это патруль? Что это стражники? И откуда знаю, что от них лучше держаться подальше? От стражников явственно исходит опасность, хотя на лицах у них только скука, равнодушные и... наверное — полное безразличие к тому, что происходит рядом. У них маршрут, его надо оттоптать, а всякие там неприятности вроде хулиганов и грабителей — это не по их интересам.

— Чего пялишься, придурок?! — внезапно выверился один из стражников, молодой парень с туповатым, красным то ли от жары, то ли от природы лицом. — Проклятый мусор!

Он нанес удар так быстро, ловко и неожиданно, что я не успел увернуться. Древко копья угодило мне в плечо и снесло с ног так же легко, как мальчишка сбивает прутом цветки чертополоха — бац! И нет цветка! Бац! И побеждена непобедимая доселе рать!

Он хотел ударить меня еще, даже шагнул в мою сторону, нацелив копьё тупым концом мне в живот, но старший патруля его удержал:

— Зальц, тебе делать, что ли, нэхрен?! Сил много? Так я тебе придумаю работу! Тратишь время на эту погань! Шагай давай! У меня в глотке пересохло, а мы еще маршрут не обошли!

Мне было больно и обидно. За что ударил, скотина?! Ну смотрел я на него, и что?! Как самураи, что ли? Это у них было, читал: встречаются два самурая, с ними идут слуги, тащат поклажу. Один самурай другому, с упреком: «Что-то твой слуга на меня очень уж дерзко посмотрел!» Второй равнодушно отвечает: «Ну, можешь его зарубить!». Примерно такое отношение было к простолюдинам, особенно крестьянам. И нужно это запомнить. Мой нынешний статус таков, что глядеть в глаза я могу только равным себе, а таких, наверное, не так уж и много. Ниже меня здесь нет никого!

Я, конечно же, ошибался. Были и те, кто стату сом пал гораздо ниже меня. Но в этом я удостоверюсь гораздо позже. А пока — потер ушибленное

плечо (синячина будет — ай-ай какой!) и потащился дальше, по дуге обходя стражников патруля. Кстати, заметил — их огибают все или стараются поскорее миновать, глядя куда-нибудь в сторону. Ну, ясное дело — не дай бог, докопаются. Вот же какое тут у стражников уважение! На наших ментов хорошо, если не плюют. А если те попробуют применить силу, я уж не говорю о применении оружия, — вой поднимется до небес! «Сатрапы! Кровопийцы! Душителы свобод!» Вспомнить только несчастных американских полицейских, которые боятся задерживать цветных преступников — что бы те ни сделали. Задержишь — и тебя же потом обвинят в превышении полномочий, а то и вообще посадят в тюрьму. А оно им надо? Тут же стражники изначально и судьи, и палачи. Ага... вспоминается пресловутый судья Дредд. Не дай бог такое тупое правосудие...

Вот и въезд на территорию порта. Как и ожидал — у ворот очередь подвод — и с той и с этой стороны. И довольно-таки мощный отряд охранников — с дубинками, мечами, правда, эти стражники не в броне, а в легких кольчугах-майках на голое тело. Здоровенные парни, ручищи — толще моей ноги. Нынешней ноги. Ходят, осматривают повозки, собирают бабло — вижу, как монеты переходят из рук в руки. Вот для чего все и устроено — стена, КПП, и все такое прочее. Бабло — оно и есть бабло, во всех мирах и во всех вселенных.

Жрать хочется, аж голова кружится! Откуда-то доносится запах жареной рыбы, так меня даже замутило от голода. Дурнота накатила и ноги за-

тряслись от слабости. Если я в ближайшее время не поем... в общем — мое существование здесь долгим точно не будет. Сдохну бесславно, в канаве, пожива для портовых крыс. Противно.

Иду дальше, опустив взгляд, чтобы ненароком никого не затронуть, а сам кошусь по сторонам, фиксируя обстановку, фильтруя информацию, рассчитывая, анализируя обстановку. Просить я не умею, даже не представляю, как это делается... вот если в морду дать или кошелек тиснуть — это я могу. Умею. Бурная юность в компании, можно сказать, отморозков — даром она не прошла. Воровать я умею, хотя никогда по-настоящему этого не делал. Опять же — я УМЕЛ, с теми моими пальцами, ловкими и длинными пальцами музыканта. А тут...

Я посмотрел на свою бледную руку, на пальцы, ногти на которых были обломаны или украшались отвратной черной каймой грязи, и мне стало тоскливо — все-таки, наверное, это наказание — оказаться в теле ничтожнейшего из ничтожных... Ну все равно как в бродячую собаку, подбирающую гнилую жрачку на общественной помойке. И за что мне это? Видать, карма ушла в минуса...

Шагаю дальше по улице, уже не особо обращая внимания ни на прохожих, ни на дома — единственная мысль бьется в голове: «Еда! Я должен добыть еду!» Уже и не помню, когда я был так голоден. Голоден до воя, до тряски, до боли в желудке! Может быть даже — никогда. Всегда находилась хоть какая-то еда, пусть это черствый кусок хлеба, или невкусная консервированная каша, или перловка на воде, но так чтобы вообще ниче-

го, чтобы живот подвело от голода — нет, такого у меня не было.

В нос ударил густой запах пирогов с мясом. Рот наполнился слюной, капелька вырвалась из уголка губ и побежала по подбородку. Я поднял взгляд и увидел толстую, пышущую здоровьем бабу лет сорока рядом с жаровней, накрытой частой решеткой, и на этой решетке румяные, сочные, такие соблазнительные пирожки! Каждый размером с две моих ладони! Господи, как я их хочу! Как хочу впитаться зубами в сочный, румяный хвостик этого пирожка!

Откашливаюсь и, стараясь придать своему голосу как можно более жалостливое выражение, прошу:

— Тетенька, дайте пирожок, пожалуйста! Я умираю с голоду!

— Пошел отсюда! Пошел, рвань! — завопила тетка визгливым, пронзительным голосом. И тут же еще пронзительнее закричала: — Саган, тут нищий пристаёт! Клиентов отпугивает! Помоги!

Из дверей позади торговли появился здоровенный толстый мужик едва ли не на голову выше меня и тяжелее килограммов на восемьдесят. Он шагнул ко мне, уцепил меня за шкурку и легко, как котенка, поднял в воздух. А потом перехватил второй рукой и шваркнул на мостовую — вот как баскетболисты передают мяч — хоп! И полетел это мяч через все поле туда, куда направила его сильная рука спортсмена.

Вообще-то, тут все должно было и закончиться. Потому что «мяч» полетел напрямик под телегу ломового извозчика, нагруженную так, что из бо-

чонков на ней образовалось что-то вроде пирамиды. Лошадь — здоровенная, мохноногая, огромная, явно напрягаясь, тащила этот тяжелый даже для нее груз, а обитые сталью колеса повозки сотрясали мостовую так, будто мимо ехала не телега, а что-то вроде танка «Т-64». Чудом я пролетел между ног лошади, от неожиданности всхрипнувшей и дернувшейся в сторону под ругань бородастого извозчика, и оказался ровно между колесами фуры — правое колесо прошло в сантиметре от моей правой ноги. Еще чуть-чуть — и меня раздавило бы примерно так же, как если бы по мне проехал трамвайный вагон. То есть определенно перерезало бы пополам.

Повезло еще и в том, что я после удара о мостовую не потерял сознания и даже успел откатиться в сторону, чтобы не быть затоптанным второй фурой, следующей за первой. Их было пять — огромные, тяжелогруженные, и все, похоже что, ехали в порт.

Периферией зрения я видел, как толстый мужик, едва меня не убивший, идет ко мне, шевеля толстыми губами (видимо, ругаясь), но я уже поднялся и хромяя заковылял прочь, преодолевая боль в ушибленном боку и ссаженной до крови ноге. Мне не хотелось жить в этом поганом мире, и теперь я понимал бывшего владельца тела. Только упрямство и нежелание сдаваться (спецназ не сдается!) гнало меня вперед. Не поддамся! Черта с два вы меня убьете, твари!

Остановился я только квартала через два или три, усевшись на камень возле дороги — больной, несчастный и голодный еще больше, чем был два

часа назад. В голове мутилось от боли и голода, ребра болели, и похоже, что парочка из них или сломана, или получила приличную трещину. И что теперь делать, я совершенно не представлял. Ну совсем не представлял! Разве может современный земной человек, выросший в обществе, подчиняющемся куче законов, направленных на защиту прав и свобод человека, представить, что его можно вот так, походя, раздавить, как мышонка или крысенка. И никто за это не понесет никакой, даже самой малейшей ответственности. Разве за убитую крысу кто-нибудь может ответить? Или за сбитого из «воздушки» голубя. Просто забавная охота — убили, выкинули на помойку. Мусорщики подберут! Зато теперь город будет чище.

* * *

Яра, младшая дочь Главы Клана Орла пребывала в совершенно великолепном настроении. Наконец-то она вернулась в столицу из дурацкой, скучной, тоскливой провинции! Папенька засунул ее в дальнее поместье в наказание за слишком вольное поведение на балах и вечеринках. Оказалось — она слишком фривольно вела себя с парнями и тем позорила звание дочери такого родовитого господина! Да чем она позорила?! Танцевала с парнями? Так для чего ходят на балы, как если не танцевать?! Флиртовала? Так ведь не допускала никаких вольностей, что бы там кто ни говорил!

И кстати, кто это все на нее наговаривал?! Скорее всего, сестрица Ойна, завистливая, мерзкая

тварь! Это ее месть за то, что Керан из Клана Пантеры, наследник Клана, выбрал ее, Яру, для танцев, и во время танца нашептывал ей комплименты. И что, Яра виновата в том, что она красивее своей старшей сестры?! Ойна всегда наушничала папеньке и всегда была его любимицей. Впрочем, как и у маменьки. Умеет сестрица изобразить из себя невинную и ласковую деточку! И только Яра знает ее подлый и коварный нрав! Эх, и достанется кому-то такое чудо, муженек сто раз пожалеет, что женился на этой ядовитой змее!

Вернулась! Йо-хоо!

Яра высунулась из окна кареты и с удовольствием вдохнула воздух столицы. Кто-то скажет, что в столице воняет, но для Яры это запах дома, запах веселья, запах жизни! Тут — движение, в провинции — застой и болото!

— Госпожа Яра, не высовывайтесь — неприлично девушке вашего статуса высовываться из окон кареты! — Компаньонка Яры, дама среднего возраста и самой высшей степени нудности строго выговорила Яре, чем привела ту в состояние радостной ярости. И Яра в знак протеста высунулась из окна чуть не до половины туловища — а вот вам! Наоборот все сделаю!

Возчик на козлах вдруг выругался, да так грязно, что Яра довольно ухмыльнулась и решила запомнить его слова. В жизни пригодится! Карета толчком затормозилась и замерла, пропуская вылезавший из улицы справа здоровенный фургон, доверху нагруженный ящиками и мешками. На повороте длинный фургон зацепился колесом за фонарный столб, стоящий на перекрестке, и ось

повозки опасно затрещала, угрожая переломиться и устроить ее хозяину большие-пребольшие неприятности. Только представить — во-первых, фура перегородит половину улицы, где и так едва могут разъехаться две большие повозки.

Во-вторых, груз рассыплется по мостовой, а тут, в столице, только дай повод — тут же налетит толпа стервятников, и хорошо, если от ценного груза останется жалкая половина. А ведь еще надо и отремонтироваться! Как-то вызвать сюда мастера по ремонту фургонов! А вызвал — он запросит денег, да еще каких! Увидит безвыходное положение и начнет выкручивать руки!

Но ломовой извозчик заметил опасность, остановил фуру и теперь тихо-тихо, остороженько подавал ее назад, поливаемый отборной бранью кланового возчика, бывшего солдата имперской пехоты, служащего и возчиком и телохранителем — если такое понадобится. Следом ехала охрана — двое бойцов верхами, но им ругаться с ломовиком было абсолютно лень. Это точно не входило в обязанности телохранителя, а объектам охраны ничего особо опасного и не угрожало.

Яре надоело слушать ругань возчика и разглядывать бьющегося с фургоном ломовика, и она переключилась на бредущих мимо прохожих, разглядывая их так, будто это были не обычные скучные горожане, а что-то вроде акробатов из бродячей труппы циркачей. Соскучилась по столице, точно!

Внезапно ее внимание привлек человек, сидящий на камне возле обочины, он выглядел забавно и в высшей степени странно: худое бледное лицо

с огромными, запавшими в череп глазами. Голова странно острижена — светлые, почти белые волосы будто срезаны каким-то острым инструментом, да так грубо и неловко, что где-то они выстрижены под корень, а где-то торчали пучками, как у диковинного животного. Одежда незнакомца — Яра и не представляла, что ЭТО может кто-то носить! ЭТО даже непонятно как держится на худом теле парнишки! Ах да... точно. Это был паренек, возрастом примерно как и Яра — лет пятнадцать-шестнадцать, не больше. Голубые глаза смотрели куда-то в пространство над улицей, а сам паренек заметно и ритмично раскачивался, губы его шевелились, и он будто что-то напевал — для себя, как мантру, как если бы твердил заклинание! И выглядело это так смешно, так неожиданно, что Яра прыснула со смеху:

— Исильда, посмотри, какой смешной мальчишка! Ой, я не могу! Чего только в столице не насмотришься! Ха-ха-ха! Посмотри, что у него с головой!

И тут же Яре пришла в голову мысль: а надо отметить приезд в столицу добрым делом! А какое дело добрее, чем помочь первому встречному нищему? Как сказано в Священном Писании: когда Создатель пришел в город, то первым, кого он встретил, был убогий, покрытый язвами нищий. И нищий попросил у Создателя монету на пропитание. Создатель дал ему вирхем, и нищий тут же исцелился, прикоснувшись к напитанной благодатью Бога монете. И уверовал в святость Создателя, и пошел за ним, став одним из его адептов. То, что от монеты, поданной Ярой, нищий маль-

чишка вдруг отрастит волосы на голове, Яра не верила, она же не инкарнация Бога, но почему бы хоть в чем-то не уподобиться нашему великому Создателю?

Она достала из маленького кошелька, украшенного жемчугом и голубыми камешками, две полновесные серебряные монеты с профилем Императора и, хорошенько прицелившись, метнула их на колени мальчишке. Попала прямо в ТО самое место и радостно хихикнула, с легким румянцем подумав о том, что, наверное, отбила ему... понятно, что именно.

Компаньонка сразу же принялась нудить, рассказывая, что не надо быть такой расточительной с чернью и поваживать их дорогими подарками, и тогда Яра достала еще одну монету, и не глядя метнула ее в парнишку — просто из протеста и назло нудной тетке. И прикусила губку — монетка, которую она выудила из кошелька, оказалась золотой! Да еще какой — старинным вондом эпохи императора Мерескула, дедушки нынешнего правителя империи. Красивая монетка, она Яре нравилась. Но что делать, если так уже получилось? Все равно приятно: захотела — и обогатила этого смешного нищего! Вон как зашевелился, зажал монетки в кулачок, смотрит, будто оживший мертвец. И правда — странный парень. Бледный, голубоглазый, худой и длинный — из лесных ворков, что ли... видать, помесь имперца и ворка. После воркской войны было захвачено много женщин и мужчин, их обратили в рабов, а после этого в империи появилось довольно-таки много помесей имперцев и ворков. Воркские женщины и мужчины всегда

отличались своей красотой, особенно экзотичной на фоне смуглых и курчавых южан. Правда, это на любителя. Признаваться, что тебе в постели нравятся воркские мужчины, — это в высшей степени неприлично. Все равно как заниматься любовью с животными. Брррр! Яра даже помыслить такого не могла, даже в своих самых смелых и безнравственных фантазиях. Ну... если только иногда... говорят, что воркские мужчины неутомимы в постели и у них очень крупный... хм... Тьфу! Яра даже зарделась от того неприличества, что сейчас прокралось в ее прелестную головку.

Наконец-то фургон ломовика расцепился со столбом, карета Яры двинулась вперед, и то ли ворк, то ли помесь ворка с имперцами остался далеко позади. И Яра выбросила его из головы — навсегда. Впереди — веселье, красивые родовитые мужчины, музыка и смех! А все плохое осталось далеко позади. Как и этот убогий бледный нищенка.

Глава 3

«Стеееепь... да стеееепь... кругооом... путь... далекоок... лежиит...» — не знаю, почему я пел эту песню. Вернее, как пел — шевелил губами едва-едва, шипел, свистел и хрипел. А еще — раскачивался, как будто пел мантру. Что-то древнее, глубинное вылезло из недр души и заставило петь эту безнадежную, протяжную песню. Песню-прощание, песню-реквием.

Я умирал. Мой новый организм отказывался жить, и я ничего, совершенно ничего не мог с ним

поделать. Ты хоть сто раз скажи: «Халва!» — во рту слаще не станет. Ты можешь бесконечно повторять свои героические слова о преодолении, о том, что сдаваться суть позор для мужчины, но если в желудке уже который день пусто, если нет энергии для поддержания жизнеобеспечения тела — ляжешь и помрешь, как растение, засохшее без полива. И никакой, никакой надежды на улучшение положения у меня нет. Спасти может только чудо, а в чудеса я не верю. Даже после переселения моего сознания в новое тело. Слишком для этого материалист и циник.

Что-то ударило меня в пах — больно, еще бы чуть ниже, и точно я бы свалился от удара по гени- талиям. Что, меня уже камнями забивают? Ну что же... последний бой! Так просто я вам не сдамся! Зубами буду рвать мразей!

Фокусирую взгляд и вдруг вижу у себя в подоле две монеты — белые, блестящие, крупные такие — величиной со старинный дореволюционный рубль. Похожи на рубли времен Петра Первого — и профиль на аверсе монеты будто с Петра. Курча- вый большеносый мужик смотрит в пространство, надменно выпятив толстые губы.

Сижу, зажав монеты в кулаке, соображаю, откуда прилетело такое чудо. Соображать трудно — от перегрева на солнце и от голода мутится в голове, сухой язык не смачивается слюной — ее просто нет. Дурак я — уселся прямо на солнцепеке. Белая кожа уж могла бы мне тонко намекнуть на некото- рые толстые обстоятельства. Почему я такой блед- ный? Да потому что не переносу прямых солнеч- ных лучей! Не загораю!

Еще что-то в меня летит, и я автоматически ловлю это «что-то» прямо в воздухе. Реакция у меня есть, да. Моя реакция, Петра Синельникова. Этот лох, в чьем теле я нахожусь, реагирует на все с трехсекундным замедлением. Я же приучил себя к молниеносной реакции — иначе ведь не выживешь. Иначе я не продержался бы на войне битых двадцать лет.

Конечно, никто не гарантирует от случайности — пуля-дура, она летит в одно место, а прилетает в другое, ей достаточно коснуться веточки или ощутить дуновение ветра, и пошла в сторону, но... Бог меня миловал. Ранен неоднократно, и даже довольно-таки тяжело, но... каждый раз полностью восстанавливал свое здоровье. И снова пускался во все тяжкие. Ну а что еще делать, если я не умею ничего, кроме как воевать? Если у меня нет ни семьи, ни детей (вот это спорный вопрос — женщины-то у меня были, и не только те... пониженной социальной ответственности), если я привык спать вполглаза, а на удар отвечать двумя, смертельными ударами? Если гражданская жизнь для меня пресна и даже глупа?

Посмотрел на пойманный предмет, и даже не удивился — после двух здоровенных «рублей» поймать золотую монету размером с николаевский империял — не есть ли это настоящее, правильное завершение чуда? Ну как бы конечная точка чуда — мол, вот ты не верил в него, ты злобный циник, погрязший в своем неверии и атеизме, а вот на тебе! Получи! И что теперь скажешь? Опять не веришь в божественное Провидение, и в то, что чудеса существуют?

Нет, я не уверовал. Во-первых, потому, что для этого мне тупо не хватало соображалки — меня так и мутило, голова кружилась, и ноги тряслись. Во-вторых, одного случая... нет — двух случаев для того, чтобы так уж сильно уверовать, — этого недостаточно. Надо все обмозговать, прикинуть и на основании полученных данных уже прийти к правильному выводу. Так делают настоящие ученые!

Ну а пока что следует отсюда валить, и как можно быстрее. Мой инстинкт просто-таки кричал, требовал: «Убегай! Ты получил то, за что тебя могут убить! Уноси добычу!» Так хищник, с огромным трудом поймавший кролика тут же утаскивает его в кусты, дабы уберечь от сильных и злых конкурентов. Не уследишь — из зарослей выскочит лев и сожрет не только твоего кролика, но, может, и тебя самого. Потому — забейся как можно глубже в какую-нибудь глухую нору и сиди там, наслаждаясь теплым мясом и сладкой, еще не застывшей кровью. Я сейчас тот же самый хищник, животное, руководствующееся только самыми простыми и низменными инстинктами — есть, пить, испражняться. И уберечь свое жалкое тело от посягательств более сильных хищников.

Монеты я сунул за щеку — а куда еще их девать? Нести в руках? Руки должны быть свободны, хотя бы для того, чтобы уберечь тело при падении, самортизировать удар о землю. Положить в карман? Да какие, к черту, карманы у этого ветхого тряпья?! А во рту, за щекой, монетам лежится очень даже хорошо, и не уроню и не потеряю. А если случайно проглочу... так они когда-нибудь все равно меня покинут.

Я брел по улице, сам не понимая, куда иду. Переходил перекрестки, заворачивал в переулки, стараясь выбирать те улицы, на которых было как можно меньше прохожих. Инстинкт меня вел. И как-то так оказалось, что я все-таки выбрался из города почти в то место, откуда начал свое погружение в новый мир.

Пока шел — мозги немного прочистились. Видимо, движение разогнало застоявшуюся кровь, ну и мою волю сбрасывать со счетов совершенно не нужно. Почувяв, что у меня есть шанс на выживание, я буквально заставил организм слушаться и делать то, что надо в настоящий момент времени. А надо было спрятать добычу там, где ее никто не достанет, и потом отправиться на поиски пропитания — с одной серебряной монетой в потном кулачке. Я ЗНАЛ, что в руках у меня довольно-таки большой куш, и был намерен не позволить отобрать у меня хоть малую его часть. И без приобретенной из чужой памяти информации я знал, что золотая монета, особенно такого феноменального размера — это невероятная ценность, можно сказать фантастическая ценность для обычного человека Средневековья. Большинство крестьян в той же Руси за всю свою жизнь не видели ни одной золотой монеты. Максимум — серебро самого низшего уровня, а чаще всего — медяки. Да и не только в Средневековье — например, уже почти в наше время, при царе Александре Первом солдатам давали жалованье медными монетами в одну-две копейки. Кстати, двухкопеечную монету тех времен так и называли в народе: «солдатки». Только представить, сколько может стоить серебряная

монета размером с рубль! И что на нее можно купить! А таких монет в золотой монете содержалось целых двадцать штук! И опять — знание пришло изнутри, из памяти парнишки, имени которого я так и не узнаю.

И опять я ошибся. Через двадцать минут я знал, как меня зовут. Мне назвали мое имя. Или не имя, а то прозвище, каким меня называли тут, на улице.

— Тут он! Тут! — услышал я задыхающийся голос за стенами развалюхи, — Тут он прячется! Я проследил!

Насторожившись, затаился за кучей мусора, рассчитывая отсидеться, но... не получилось. Четверо парней лет шестнадцати-восемнадцати, ругаясь и сопя, влезли через полузасыпанный выход и встали полукругом, шарясь взглядами по углам моего жалкого обиталища. Само собой, мое присутствие тут же было обнаружено.

— Вот он! Попался! — радостно завопил высокий плечистый парень, что стоял в центре. — Ну что, Кел, попался?!

Это он уже мне. И теперь я знаю — Келлан. Меня зовут Келлан! А этого типа — Сайдан. И я его ненавижу!

— Тебе же сказали, ворковское отродье, — иди и сдохни! И чтобы не появлялся в городе — никогда! — Сайдан эти слова прокричал, сделав как можно более зверскую рожу. Но я, Петр Синельников, он же Синий, видел перед собой всего лишь пацана-переростка, который строит из себя крутого парнюгу. А крутой он только перед теми, кто не может дать ему сдачи. Перед такими, как Келлан, тощий, голодный, забитый и гонимый.

— Что там тебе дала эта девка?! Давай сюда, и, возможно, мы не сильно тебя изобьем! — хохотнул Сайдан, оглядываясь на своих подельников, которые тут же начали подобострастно хихикать. — А может, и убьем! Но не больно! Чик! И ты уже пошел на колесо перерождения! А там уже, может, и родишься богачом! Хочешь стать богачом, Кел? Небось тогда на нас и не посмотришь!

Они все хохотали, захлебываясь, брызгая слюнями. Как все ничтожные, обиженные судьбой людишки, эти мелкие твари считали, что поднимутся, втоптав в грязь еще более убогого, еще более несчастного, чем они. Ведь есть с чем сравнить. Они живы — а этот убогий мертв. Или искалечен так, что едва ползает возле их ног. Приятно!

Я был спокоен, как танк. Муть в голове рассеялась, было ясно, как солнечным сентябрьским утром в сосновом бору. Я все прекрасно осознавал и был готов, насколько можно быть готовым — таким, каким я сейчас был. Да, убогое тело, да, не та сила и реакция, но у меня за спиной двадцать лет войны, а еще — десятки уличных драк, в которых я участвовал с переменным успехом. В самом начале получал по роже, а потом — начал хорошенько отвечать, и в нашей компании (не называть же ее шайкой?) считался одним из самых сильных бойцов. А может, и самым сильным. И при этом истово беречь пальцы — ведь не зря же у меня было погоняло Музыкант!

Теперь я готов на все. Теперь я увидел, кто здесь закон и что тут стоит человеческая жизнь. И да — спецназ не сдастся!

Я встал, сжимая в руке за спиной подобранную с земли пожелтевшую трубчатую кость сантиметров двадцати длиной. Один ее край закруглен, как и положено нормальной кости, второй — острый осколок, торчащий вперед как наконечник копья. Не нож, конечно, но при умелой работе вполне сойдет за оружие. Если у тебя нет ножа, это ничего не значит. Всегда можно использовать сучок дерева, камень, кость — что угодно, лишь бы этот предмет подходил для твоей задачи. А задача одна — вывести из строя противника так, чтобы он никогда больше не смог нанести тебе ущерб. А когда противник не сможет нанести ущерб? Тогда, когда он мертв. И я не собирался жалеть этих тварей!

Сайдан ударил меня совершенно неожиданно — вот только что он стоял, говорил, глумясь и хохоча, и тут же, без всякого перехода ударил меня ногой в пах. Вернее — попытался ударить. Я пропустил его удар мимо себя, чуть отшагнув в сторону, и без замаха, снизу вверх воткнул желтую грязную кость Сайдану прямо под челюсть. Кость вошла практически до самой «рукояти», то есть до моего кулака, я выдернул ее и, не прекращая движения, шагнул вперед.

Следующей моей жертвой стал парень в кожаной безрукавке, расстегнутой, или вернее, развязанной по полной и обнажающей плоский рельефный живот. Именно в живот, в печень он и получил короткий пробивающий тычок. Кость вонзилась так же легко, как и в шею предыдущему противнику, раненый парень глухо охнул, схватившись за рану и широко раскрыв свои темные, удивленные донельзя глаза.

Третий из свиты Сайдана сунул руку в карман, видимо, хотел что-то из него достать — может, нож, может, кастет, — но и тут я успел раньше его. Кость вошла парню в правый глаз, и он завыл, закрутился на месте, хватаясь за кровавую дыру, из которой обильно текла пахучая красная жижа, ну а я уже двигался к четвертому, вдруг сообразившему, что здесь что-то пошло не так.

Четвертый — толстоватый увалень в цветастой рубашке и коротких, до середины икр, штанах попятился с криком: «Ты чего?! Ты чего, стой, сука!» — и, подвывая от страха, пополз по куче щебня и камней, торопясь поскорее выбраться на волю из этой комнаты, вдруг ставшей могильным склепом для его соратников. Я не стал его догонять. Поднял с земли круглый булыжник размером с апельсин и, прицелившись, метнул его в беглеца. Булыжник с глухим стуком и хрустом врезался в затылок парня, и пацан упал навзничь, дергая ногами и хрипя в последних предсмертных судорогах.

Удостоверившись, что противник мне не угрожает, я вернулся к одноглазому, который, завывая, стучался о стены комнаты, вероятно, очумев от страха и боли и пытаясь найти выход из этой камеры пыток, и без малейших эмоций загнал ему свое импровизированное оружие прямо в сонную артерию. А потом отшагнул назад, чтобы брызгающая фонтаном кровь не залила меня с ног до головы. Когда он упал, я потянулся туда, куда покойник тянул руку, и в самом деле обнаружил ловко пришитые на изнанке рубахи узкие ножны с вложенным в них тонким, бритвенно острым ножом.

Нож тут же оказался у меня в руке, и чтобы правильно довершить начатое, я обошел лежащих на земле противников и аккуратно, чтобы не порвать одежду и не слишком ее перепачкать в крови, добил почти уже покойников. И чтобы лишнего не мучились (я же не зверь!), и чтобы не издавали лишних звуков (вдруг кто-то окажется рядом?). Ну и просто для того, чтобы якобы умерший ни с того ни с сего не поднялся на ноги и не воткнул мне нож в мою глупую башку. Всегда нужно удостовериться, что якобы насовсем умерший враг не «якобы», а все-таки отправился в мир иной. Слишком много я видел примеров совсем обратного.

Кстати, и сам я пример такой вот ошибки сирийских «бесов». На их месте я бы не стал подходить к умирающему противнику, тем более прекрасно зная, что такое наш, русский спецназ. Я бы прострелил башку псевдопокойника издалека, не рискуя и не подставляясь под минную ловушку. Но это же я! А им лишь бы поглумиться над умирающим, лишь бы поскорее добраться до тела и доставить мне как можно больше страданий! Вот и получили за свои нетрадиционные поганые склонности.

Закончив свои грязные делишки, я позволил себе расслабиться и попросту свалился рядом с трупами, сделав несколько шагов в сторону, чтобы ненароком не упасть в лужу крови. И потерял сознание.

Сколько времени провалялся, не знаю. Только когда я заставил себя подняться и подошел к одному из трупов, тот уже начал коченеть, а значит,

прошло не менее двух часов. Отключив эмоции (что было, в общем-то, совсем не сложно в моем-то состоянии), я приступил к работе. Первым делом — обыскал трупы, сложив в кучку на кусок доски все, что нашел в карманах и поясах мертвецов. Так, у меня в руках оказались полтора десятка мелких монет, одна маленькая серебряная, а также три серебряных перстня с небольшими красными и зелеными камешками. Наверное, необработанные рубины и маленький изумруд. Можно сказать — бросовые камешки, но каких-то денег все равно стоят. В поясе одного из парней нашелся кусок лепешки и небольшой кусочек вяленого мяса, и тогда я, оставив все свои дела, плюхнулся на землю и долго, тщательно пережевывая, съел это сокровище, порадовавшее меня больше, чем все найденные на трупах деньги. Я и не заметил, как проглотил всю еду, ничуть не гнушаясь тем, что лепешка с края была испачкана кровью своего бывшего хозяина. Мне не до сантиментов и брезгливости, мне сейчас надо выжить.

Нашлись еще два ножа и шипастый кастет, удобно легший в мою довольно-таки широкую ладонь. Ну да — я тощий до самого предела, но, вообще-то, кость у меня широкая, и плечи не такие узкие, как следовало бы ожидать. Интересно, почему такой достаточно высокий и мосластый парень оказался в эдакой мерзкой ситуации? Неужели он не мог дать отпор обидчикам? Неужели не мог заработать денег хоть каким-то трудом? Ну даже попрошайничеством, и то! Вот я сегодня только лишь уселся на краю дороги, и мне тут же

прилетели три дорогие монеты! Или он был таким несчастливым, что не подавали и самого малого медяка?

Все может быть. Откуда я знаю, что ему пришлось вынести? Может, он был эдаким пацифистом, для которого забрать чью-то жизнь хуже, чем умереть самому. Но я не такой. Бойтесь, товари! Я уже начал составлять список тех, кому должен воздать по заслугам! И первый в списке тот здоровенный мордоворот, который едва не лишил меня жизни. И его подруга, которая радостно смеялась, глядя на то, как я хромая убегаю по улице, спасаясь от неминуемой смерти. Как там сказано? Какой мерой меряете — такой и вам отмерено будет.

Затем я раздел покойников, сняв с них все, до нитки. Мертвецам барахло ни к чему, а мне надо что-то надеть. Что-то попримочнее, чем ветхая рухлядь, едва прикрывающая тело. Опять же, никакой брезгливости и самокопаний. Человек на грани смерти не имеет права на всяческие рефлексии.

Теперь встает вопрос: а что мне делать с трупами? Куда их прятать? И надо ли вообще их прятать? Скорее всего, никто не знает, куда и зачем бежали эти парни. А если даже и знали, кто может предположить, что такой доходяга, как я, может положить четверых сытых и здоровых парней? Засмеют ведь! Только бы не засыпаться на чем-то таком, о чем я сейчас и подумать не могу. На чем? Ну... например, вот на этой кожанке. Увидит кто-то знакомый меня в этой кожанке и сразу же вспомнит, кому безрукавка ранее принадлежала.

И захочет узнать, где я ее взял. Особенно после того, как хозяин жилета перестанет появляться в условленном месте. Ведь эти четверо входили в большую банду, которая промышляла кражами и грабежами на портовом рынке и в прилегающих к нему улицах. Можно сказать, входили в гильдию воров. Отстегивали бабосики городской страже, сильно не зарывались, пощипывая торгашей и мореходов, и... жили себе не тужили. Пока не докопались до меня! Не в добрый час докопались, точно...

Нет, не буду я их трогать. Пусть лежат тут, гниют, пожива для крыс и червей. Самое им место — на помойке. А я возьму вот эту простую рубаху, эти штаны, эти полусапожки — они как раз мне по ноге и почти новые. Особых отметок на них нет, так что вряд ли кто узнает какие-то там башмаки. Пояс возьму — вот этот. В него все деньги, кроме небольшой горстки мелочи, медяков — их в карман. С медяками я пойду в трактир и накуплю себе хлеба, а еще — какой-нибудь похлебки подешевле. И наемся от пуза!

И тут же охнул — резь в желудке заставила меня согнуться в три погибели. Не надо было так набрасываться на еду! Я ведь не ел уже давно, наверное, несколько дней. Так что после долгого голодания мне следовало есть осторожно, и лучше жиденького. Вот только как мне дойти до места, где мне дадут жиденького, если в желудке не было ничего съестного уже неделю, а последние силы я отдал, убивая этих придурков?

Посижу немного, соберусь с силами, пройдет, ничего...

* * *

В город я отправился уже под вечер. Живот отпустило, я искупался, прежде чем надеть новую одежду. Предварительно осмотрел ее на предмет обнаружения насекомых. Убедился, что ничего такого на ней нет, но все равно выполоскал в морской воде, хотя и знал, что потом буду чесаться от въевшейся в ткань морской соли. Надо было отмыть кровь, не тащиться же по улицам города в пропитанной кровью одежде? Хорошо хоть прорезей нет в подозрительных для опытного глаза местах.

Кстати, не пригодившуюся одежду я все-таки не бросил, пожадничал. Сложил ее стопкой и засунул повыше, под самый потолок в отдушину на стене. Пусть лежит, вдруг когда-нибудь пригодится. Мне теперь любая материальная ценность как самое настоящее сокровище. Туда же сунул лишние ножи и кастет.

Ну вот, теперь можно и в путь. Ноги уже не так трясутся, одежда не такая страшная, как была — вполне даже ничего одежонка! Крепкая и неброская. Сапожки можно сказать — щегольские. Роба только у меня не та, чтобы так просто не бросаться в глаза. Как там они называются, мои так называемые соплеменники? Ворки? Лесные ворки, ага... Это что получается, я что-то вроде здешнего... эльфа? Хм... уши у меня вроде как нормальные, не длинные, а то что кожа белая, так мало ли какие расы бывают. Здешний народ все больше смуглый, что-то вроде арабов, но я видел и бледных, видел и краснокожих, и негров видал — их, кстати, тут

полным-полно, рядом с портом. Крупный порт, тут кого только нет!

Но об этом я подумаю потом, когда набью живот более-менее приличной едой, а еще — сооружу насчет крыши над головой. Ночевать на помойках я больше не намерен. И сделаю для этого все возможное и невозможное. Денег хватит надолго, если их экономить — это я ЗНАЛ, как и знал, что разменять золотую монету будет очень непросто. И не потому, что на нее не найдется охотников — все с точностью наоборот: на нее найдется слишком много охотников. А потому мне надо быть настороже, и точно нельзя эту самую монету засветить. Вот обвыкнусь, осмотрюсь, и уже тогда решу, каким образом ее реализовать.

Кстати, до сих пор не пойму — с какой стати эта девка бросила мне монеты? Да, я все-таки успел заметить — это была девчонка. Смазливенькая такая, губки пухленькие, глаза большие... мечта, а не девчонка!

Хм... стоило мне забросить в желудок кусочек мяса, так мое молодое тело сразу же потянуло на приключения? Девки заинтересовали? Выбросить из головы эту чушь! На войне никаких девок! Если только это не гурии в мусульманском рае... Но я не мусульманин. Да и верующий из меня такой, что... в общем — «пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Верил я всегда только в свою верную руку и в развитую способность избегать неприятностей. Чутье у меня на пакости, которые готовит судьба. Не всегда получается их избежать, но... интуиция, она же чуйка, редко меня обманывала. Иду, хочу сделать очередной шаг, и вдруг — р-раз! Нога

повисает в воздухе. Не могу ее опустить, и все тут! А потом оказывается — там, куда хотел поставить ногу. — противопехотная мина. Оторвало бы ступню напрочь, и живи убогим калеккой. Вот откуда узнал, что там мина? Сам не знаю. Только и скажешь — чуйка! И она меня не раз уже спасала. Двадцать лет на войне — это тебе не шутки. Волей-неволей начинаешь чують беду.

Но пока ничто и никак беду не предвещало. Нос чуюл запах жареного мяса и свежесдобитого хлеба, так что путь мой лежит сюда — в здоровенный двухэтажный дом под вывеской, на которой нарисована здоровенная веревка, больше похожая на свернувшегося удава, и написано голубым по желтому фону: «Причальный канат».

Хм... так я, оказывается, еще и читать умею на местном языке?! Ну что же... спасибо тебе ушедший брат за подарок. Все-таки зря ты ушел, может, все бы и образовалось? Хотя вряд ли. Ты точно бы не смог сломанной бедренной костью замочить четверых гопников. Чую — не смог бы. Ты же хрупкое интеллигентное создание — типа эльф! Не такой отморозок, как Петр Синельников с позывным Синий. Не горжусь этим. Просто констатирую факт.

Глава 4

В нос ударило густым запахом пряностей и мяса, и у меня снова потекли слюни. Не могу сдержаться, и все тут! Буквально рефлекс! Осматриваюсь в большом, вытянутом вдоль окон зале. Ищу место, куда можно присесть. Вообще-то, мест

более чем хватает — занято всего два шестиместных стола, и то наполовину каждый — по четыре человека за столом. Но я ищу не свободное место, а то место, на котором мне будет удобно и безопасно сидеть. И это тоже рефлекс. Не организма, а моей души. Я должен видеть вход, и за моей спиной никто не должен находиться. Это как у кавказцев, а конкретно у чеченцев — самое почетное место, место на котором сидит хозяин дома, — это за столом напротив двери, напротив входа в дом. Так хозяин дома может первым встретить и почтить гостя или первым встретить врага с оружием в руках. Я перенял этот обычай — волей или неволей. Достаточно долго был на Кавказе. И не просто «был».

Сел в самом дальнем углу, спиной в этот самый угол. И видно всю залу, и никто сзади по башке не даст. Из окна, закрытого кусочками мутного стекла, на тяжелый стол темного дерева падает свет, но, вообще-то, в зале довольно-таки светло. И самое что интересное — светло не потому, что горят какие-то там факелы или на худой конец коптящие масляные фонари, — нет, ничего подобного! Свет такой, как если бы горели неоновые фонари! Под потолком цепочкой вдоль всего зала висят на цепочках прозрачные сосуды, похожие на маленькие бутылочки, и в них ярко сияет небольшой белый шарик, светимость которого точно не меньше чем у электрической стоваттной лампочки. А может, даже и поярче.

Меня заметили, две подавальщицы стояли возле обычного «столовского» окна для выдачи блюд и зорким взглядом озирали окрестности. Молодые

крепкие женщины, одетые в нечто вроде сарафанов и в передники, закрывающие эти самые сарафаны от шеи и до самых коленей. Бабы как бабы, ничего особенного — косы, стянутые лентами, слегка подведенные глаза, нарумяненные щеки. Эдакие стилизованные под старину официантки в каком-нибудь загородном рестораничке.

Когда заметили нового посетителя, одна из них что-то сказала своей напарнице, той, что пониже, напарница смерила меня взглядом и дернула правым плечом. Вероятно, это должно было означать: «Да ну его, нищету эту! Успеет, пусть подождет!» Ясное дело — обслуживать группу пьяных купцов или мореходов гораздо выгоднее, чем бедного и трезвого парнишку. Их и обсчитать можно, и сдачу могут подарить за красивые глазки. А от этого бродяжки чего ожидать?

После десяти минут ожидания я было намерился махнуть рукой и чего-нибудь крякнуть этим двум адепткам общепита, но тут появилась третья подавальщица, и от ее вида у меня вдруг трепыхнулось сердце — сам не знаю почему. Высокая, худая, со светлыми волосами, собранными в толстую длинную косу, она кого-то мне напоминала, кого-то из моего прошлого, или вернее — прошлого хозяина тела. Бледное лицо, странная походка — женщина ступала мягко, будто плыла по тяжелым, вытертым тысячами ног половицам трактира. Подавальщицы ей что-то сказали — каждая по очереди, — и женщина пошла ко мне, спокойная и не улыбкающая на грани мрачности и тоски. Было видно, что свою работу она исполняет только потому, что другого выхода у нее нет. Но никто не

может заставить улыбаться и радоваться тем, кого она сейчас обслужит. А еще я заметил у нее на шее обруч, похожий на собачий ошейник, и на нем — жетон, похожий на те, которые вешают собакам за победы на выставках. На жетоне что-то написано, но я не сумел разглядеть — что именно. Хотя и так знал, что там указано имя рабыни и принадлежность хозяину. Да, это была рабыня. Я это знал.

— Привет, — сказала женщина, подойдя к моему столу, и я увидел, что она гораздо моложе, чем мне показалось с первого взгляда. Лет двадцать пять, не больше, а может, и того меньше. Жесткое и хмурое выражение ее лица старило, да и одежда, которая на нее была надета, — тоже не молодила. Женщина... нет, все-таки девушка, постаралась себя как можно сильнее состарить и сделать как можно более непривлекательной. Ни грамма косметики, никаких румян, и... ходит чуть сторбившись, чтобы грудь не распирала сарафан. Я все это отметил сразу, опытным взглядом сорокалетнего тертого-перетертого мужика, и тут же сделал самый логичный вывод — неспроста она все это делает. Не зря старается казаться как можно менее сексуальной. Хотя это, скорее всего, ей помогает не очень... то-то такая хмурая и ожесточенная. И да — она тоже из ворков.

— Привет, — бесцветным голосом сказала подавальщица. — Будешь что-то заказывать?

Я посмотрел ей в глаза, пытаясь поймать взгляд, но так ничего и не получилось. Она упорно смотрела куда-то в сторону, под ноги, на стол, но не на меня. Привычка? Или ее заставили так делать?

— Послушай, — сказал я негромко, на пределе слышимости, — мне нужна помощь. Я не ел много дней и боюсь, что после обильной еды мне станет плохо. Деньги у меня есть, не беспокойся, но не так много, чтобы особо жировать. Помоги мне, если можешь!

Она впервые посмотрела мне прямо в лицо, и я все-таки заметил в ее глазах какие-то отголоски эмоций. Подавальщица не сразу ответила, но голос ее немного изменился, стал как-то человечнее, что ли...

— Я могу тебе принести жидкой мясной похлебки и мягкого ржаного хлеба. Это самое дешевое, что есть, и как раз будет для тебя. Только все-таки покажи деньги...

Я достал из кармана мелочь, положил на стол. Подавальщица кивнула, взяла из кучки три медяка и жестом показала: «Убери». И словами уже добавила, тоже очень тихо, как и я:

— Не показывай деньги. Тут всякие бывают. Отнять деньги у ворка — за тебя никто даже и не вступится. Нас тут не любят.

Я кивнул, спрятал деньги и стал дожидаться, когда мне принесут заказ. Ждать долго не пришлось — тарелка с кусками мягкого, пахучего хлеба и здоровенная чашка с горячим варевом стояли передо мной уже через пять минут. А еще — глиняная кружка с холодным, практически ледяным содержимым, по запаху — слабенькое пиво. Я бы предпочел что-то вроде сока или просто чистой холодной воды, но пусть будет пиво. Кто знает, какая здесь вода — еще сразу подцепишь. А мне только дизентерии сей-

час и не хватало — до полного, так сказать, счастья.

Не чувствуя вкуса, не обращая внимания на соленость и наперченность варева, я медленно, ложку за ложкой вливал его в себя, зачерпывая со дна разваренные кусочки мяса и каких-то овощей. Откусывал от хлебного ломтя и наслаждался, чувствуя, как с каждой ложкой, с каждым кусочком этого пахучего чуда в меня возвращаются утерянные силы. Выхлебав чашку на треть, я замер, давая желудку привыкнуть — слишком уж он отвык от большого объема пищи. Остановиться было трудно — организм просто выл, требуя пищи, и как можно больше, но мой разум, разум опытного, выдавшего виды человека управился с неразумным телом. Нет, минут двадцать посижу, привыкну, потом и еще поем.

Так и сидел над чашкой, маленькими глотками отпивая из кружки холодное пиво, по вкусу напоминающее «Жигулевское» или «Ячменный колос». Само собой — пива элитных сортов в припортовой таверне не следовало ожидать, но и это пойло оказалось гораздо лучше, чем подумалось с первого взгляда. Нормально тут варят пиво.

Пока сидел, осоловелый, вялый и растаявший, как мороженое в стаканчике, зал постепенно наполнялся — люди все прибывали и прибывали. А я их разглядывал, будто смотрел постановку, сериал из жизни средневековой Земли. Вот не знал бы, что это другой мир с двумя лунами и совершенно незнакомым языком, никогда бы не поверил, что это не Земля. Ну, ничем особым эти люди не отличались! Цветные шаровары? Так их носили

во все времена! Сабли, мечи и кинжалы? Да каких только не было, даже боевые серпы имелись где-то там на востоке! Шейные платки? Даже не смешно. Рубахи в узорах — пальмы, розы и в горошек? Без комментариев. Негры, индейцы, европейцы, смуглые испанцы и бледные северяне — и эти есть! Викингов надо? А вон, что за рожи сидят в углу напротив меня, через залу? Да за одни рожи им лет по пять надо давать! Рыжие, бородатые, плечистые, у одного рожа перечеркнута шрамом практически напополам и нос смотрит немного в сторону. А вот надо было правильно штопать! И гипсовать носопырку, тогда бы его не перекосило! Впрочем, его этот шрам ничуть не беспокоит, как и отсутствие передних зубов справа внизу и вверху. Видать неизвестное оружие не только развалило нос, но досталось и зубам. Ну и чего? Хохоchet так, что на их стол оглядываются с недовольными физиономиями. Опасливо так оглядываются, никто не хочется связываться с отморозенными мордоротами.

А вон там сидят мои... хм... братья? Или как их еще назвать... соратники по духу? Да черт с ним, как они называются... я «своих» чую за километр! «Серые гуси», «солдаты удачи», вот кто это такие. Наемники. Сидят так же, как и я, лицом к выходу, пьют довольно-таки много, но взгляды остаются острыми, трезвыми, эти ребята всегда живут «на щелчке», это когда флажок предохранителя со щелчком сдвинут в положение «огонь». Они в своей жизни много кому наступили на любимую мозоль, им есть чего опасаться. И точно готовы дорого продать свою жизнь.

Я знаю таких людей. Сам такой. И даже если нам когда-нибудь придется сойтись в смертельной схватке — мы пойдем друг друга и не будем издеваться над трупом противника, как это делают бородатые «бесы». Война — наша работа, и мы ее делаем хорошо. Откуда знаю, что хорошо? Так те, кто делает ее плохо, давно уже лежат в земле сырой. Если тебе под сорок, и ты с такой работой все еще жив — это чего-то да значит. Эти шестеро парней, когда входили, первым делом обвели весь зал по секторам — двое впереди себя, двое слева, двое справа. И не места искали — они мониторили посетителей на степень их возможной опасности.

Вот там жрут и пьют трое стражников из уличного патруля. Ну, этим надень ментовскую форму — получатся типичные ППС. Пожрать и выпить на халяву — святое дело! Они ведь поддерживают порядок на улице и в трактире, а значит, помогают трактирщику вести бизнес. И почему он тогда не должен их угостить? А то ведь можно и кое-каких неприятностей ему подгрести. Например, потрясти посетителей на предмет их причастности к каким-нибудь преступлениям. Ну вот похожи их рожи по описаниям на тех, кто вчера обобрал купца, торгующего пряностями, точь-в-точь такие у них рожи! А потом можно и оштрафовать хозяина за то, что его девки не получили патент для занятия проституцией! А ведь всем известно: хочешь заниматься этим добрым делом — вначале получи патент, сделай осмотр девок у городского лекаря на предмет дурных болезней и потом еженедельно делай таковые осмотры, согласно ука-

зу еще предыдущего императора, заботившегося о здоровье своих замечательных подданных. Не хочешь? Эдак можно и в темницу загреметь — до выплаты крупного штрафа! В общем, со стражей лучше тебе и не ссориться. Не стоят олени пироги и рыбная похлебка таких вот, понимаешь ли, треволнений.

Откуда у меня все это всплывало? Из памяти парня, это точно. И про патент я знал, и про то, что стражники бухают на халяву... и даже про осмотр у врача! Интересно, как же такой умный и знающий парень вдруг оказался на улице в самом что ни на есть бедственном положении? Почему-то память об этом мне ничего не выдает. Уходя, закрыл дверь к этим знаниям? С какой целью? Может, что-то очень интимное? Про семью, например?

Плохо. Это очень плохо. Мне бы хотелось знать о мире как можно больше. Например, что здесь стоят деньги. Вот, к примеру, сколько мелких серебряных монет содержится в большой серебрухе... Оп! Ага! Золотая монета — вонд! Она старая, полновесная, больше нынешнего золотого вона раза в два. В старом вонде содержатся двадцать крупных серебряных монет, называемых статерами. В каждом статере — тридцать мелких серебрушек с ноготь мизинца размером, они называются файтами. Или двадцать крупных медных монет, размером со статер, эти называются вирхемами. Вирхемы встречаются не очень часто, они, как и вонд, — старые монеты. Как всегда — инфляция, монеты худеют, цены растут. В каждом файте — десять мелких медяков, за которые я сейчас и ужинаю. Эти называются полками. Десять пол-